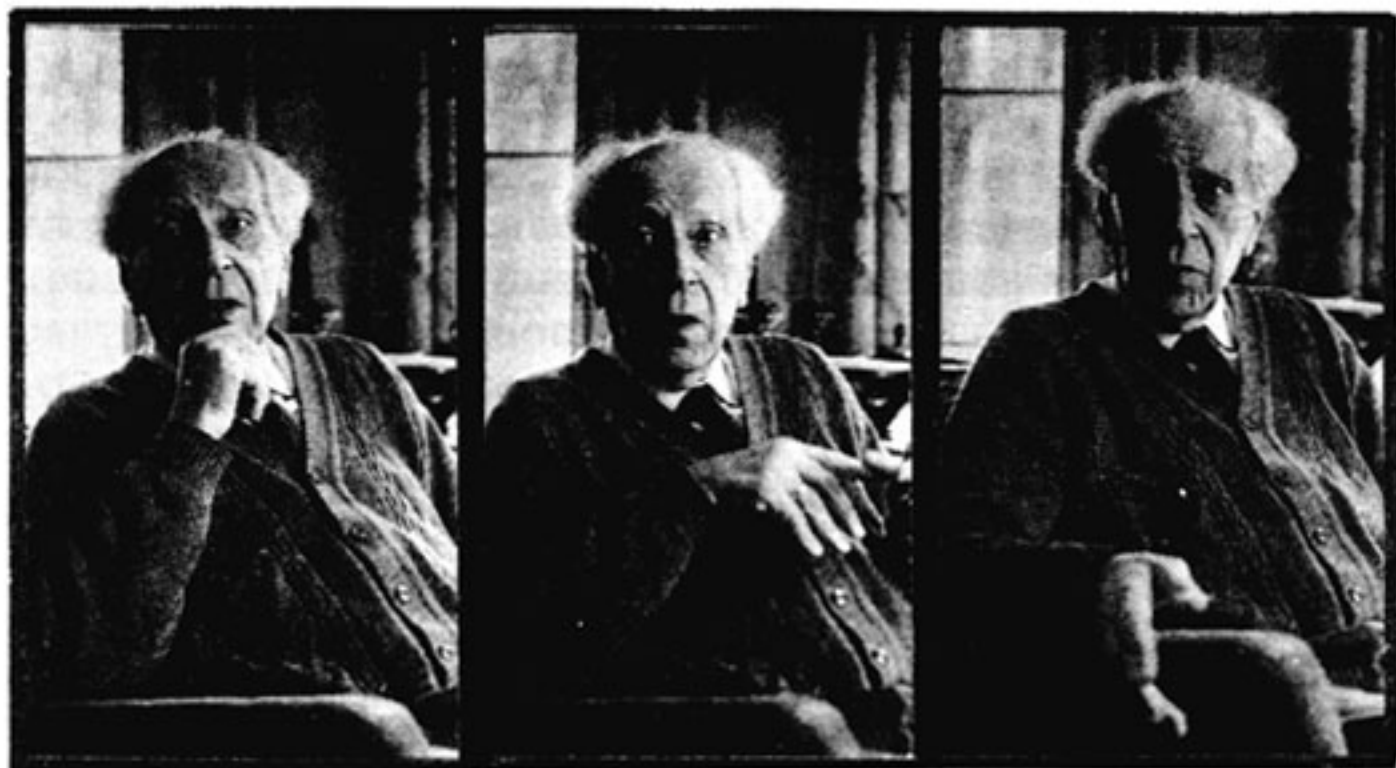

ПУТИ, ОСТАВЛЕННЫЕ НАМ...

КАКИМ МНЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО?

Основа правового государства — это правильно представляемая гласность. Гласность — это не только право граждан требовать необходимой им информации. Гласность — это прежде всего **обязанность своевременно** представлять сведения гражданам по всем вопросам общественной значимости. Если предполагается, например, какое-либо строительство или снос зданий, то идея строительства и сноса должна обсуждаться гражданами до того, как будут затрачены средства на проектирование. Гласность — это не информация о проделанном, а обсуждение, широкое обсуждение с общественностью самой идеи до ее воплощения в проекте.

Д. С. Лихачев

Второе, что необходимо для правильного понимания гласности,— это создание беспристрастно и точно работающего Института изучения общественного мнения.

Помимо гласности, правильно понимаемой, необходима уголовная ответственность за сообщение должностными лицами неправильных, заведомо неточных сведений. Верховный Совет СССР или республики должен иметь организацию (комитет, совет и т. п.), куда может вызывать руководителей (областных, районных, городских, сельских предприятий, министерств и т. д.) и требовать в необходимых случаях **полной и точной** информации. Если при этом докладчиком что-то будет скрыто или искажено, за этим должен последовать суд и приговор— до нескольких лет заключения. Разумеется, должен быть выработан соответствующий закон об ответственности за точность информации с соответствующими подзаконными статьями.

Само собой разумеется, что Верховный Совет должен обладать законодательной властью. В этой области за десятилетия накопились различные неприемлемые сейчас для нас установки. Законодательство у нас недостаточно точное и во многих случаях не отвечающее принципам демократии.

Само собой разумеется, что правовое государство может существовать только при условии свободы слова. С моей точки зрения, судебному преследованию должны подвергаться печать, радио и телевидение только за порнографию, призывы к национальной вражде — прямые или косвенные, обнародование военных тайн.

Самое главное и самое сложное: поднять нравственный уровень нашего общества. Без нравственности все наши усилия бессмысленны. В условиях низкой нравственности не действуют экономические законы, страдает наука. Государство не может функционировать нормально. Без нравственности мы будем ввергнуты в хаос. Для поднятия неизменно падающего уровня нравственности самый важный рычаг — поднятие нашего культурного уровня. Мы должны предотвратить занятие влиятельных постов полужайками, как правило, обладающими крайней степенью агрессивности, самоуверенности, стремлением к господству, неуважением к человеческой личности и ее правам, низким уровнем порядочности.

Публикуется впервые.

КУЛЬТУРА: ПРОГРАММА НА СТО ЛЕТ

— Не кажется ли вам, Дмитрий Сергеевич, что вопросы культуры еще не прозвучали сегодня достаточно громко? Что проблемы культурного строительства не поставлены пока по-государственному масштабно? Между тем перестройка, идущая в стране, обнаружила не только уязвимость и слабость проводимой до сей поры культурной политики, но в иных случаях и ее ошибочность. Плоды этих ошибок мы пожинаем сегодня во всех сферах общественной жизни — экономической, социальной, научной...

— ...и нравственной. Прежде всего нравственной. Наконец-то поняли, я надеюсь, что поняли: никакими приказами, установлениями нельзя заставить человека быть честным. Честный человек действует без приказов и установлений, по своей совести. А совесть не абстрактное понятие. Совесть воспитывается в человеке, создается общей культурой, пониманием человеком того, для чего он живет, для чего нужен социализм. Ведь идея социализма — раскрытие прежде всего духовных возможностей человека, его творческих начал. Культура не средство для достижения каких-то определенных бытовых благ. Культура — цель развития человечества.

— Часто полагалось наоборот. Целью виделся технический прогресс.

— Это ошибка. В развитии цивилизации есть стена. Если мы достигнем всеобщей сытости, чрезвычайно быстрых способов передвижения, зачем дальше развивать технику? Техника имеет цель ограниченную. Она подсобная вещь для развития культуры.

— Вы считаете, что чисто технократическое мышление не имеет перспективы?

— Не имеет. Но, главное, оно еще и опасно. Опасно, потому что, по сути, лишено нравственного начала. Представьте себе на минуту, что атомная бомба попадает в руки к преступнику, — он может терроризировать весь мир. Сейчас, к сожалению, терроризм развивается в геометрической прогрессии.

— То есть здесь есть некий парадокс: чем выше уро-

вень цивилизации, уровень техники, тем большее значение приобретает гуманитарная культура.

— Это не парадокс. Это очевидность, закономерность. Потому что, еще раз подчеркну, цель — культура, техника — лишь средство. Мы живем ради Леонардо да Винчи, а не ради изобретателя тормоза Вестингауза, понимаете? Только культура создает личность. Как личность отдельного человека, так и личность села, города, страны...

— ... народа...

— Да, и народа. Именно культура делает один народ непохожим на другой, определяет его неповторимое лицо.

Говоря о приоритете культуры, замечу, кстати, что и само развитие техники может быть остановлено отсутствием культуры. Настоящие открытия и в области точных наук, как правило, совершались людьми с высокой гуманитарной культурой. Вспомните Менделеева, Вернадского. Вернадский высказывал идеи как будто очень абстрактные, которые не имели отношения к всеобщей сущности. А на самом деле сейчас выясняется, насколько важны эти идеи — биосферы, ноосферы... Я убежден, что только общая гуманитарная культура способна вывести ученого из ограниченной сферы научной методики, позволяет ему совершать прорывы в какую-то другую область. Культура развивает интуицию, которая так же необходима в точных науках, как и в искусстве.

— На эту тему очень интересно рассуждает академик Б. В. Раушенбах, доказывая необходимость полноценного развития в человеке не только его способностей рационального мышления, но и творческого воображения, интуиции. Больше того, Раушенбах утверждает, что сегодня есть опасность недооценки этого второго момента, и это пагубным образом сказывается на духовном состоянии личности, а следовательно, и общества в целом. Как видим, физик ратует за «лирику». А ведь совсем еще недалеко ушли те времена, когда все было наоборот. Помните: нынче физики в почете, нынче лирики в загоне. Не отсюда ли и снисходительное пренебрежение к общегуманитарным проблемам, процветание в течение долгих лет так называемого остаточного принципа в экономике по отношению к культуре?

— И как следствие — резкое падение тонуса культур-

ной жизни в стране, особенно в 30—50-е годы. А ведь когда-то в России все было иначе. Я сам еще застал те времена, когда культурная жизнь просто бурлила. Различные кружки — литературные, художественные, философские, благотворительные общества, журфиксы... О последних многие сейчас и не знают. А это очень важная вещь. У каждого ученого был определенный день, когда к нему могли приходить без всяких предварительных звонков и предупреждений. У академика Шахматова это, кажется, было воскресенье. В этот день его дом был открыт для всех, кто интересовался его специальностью. Приходили и незнакомые люди, из других городов приезжали. В его кабинете сейчас бухгалтерия, и вообще все главное здание Ленинградского отделения Академии наук занято чиновниками. Никого, кроме чиновников, нет. А ведь там были институты! Шахматовым издавался журнал, который до сих пор не утратил своего научного значения, сейчас он переиздается в ФРГ. И как издавался! Шахматов получал статью, читал, если, по его мнению, ее нужно было публиковать, пересылал ее в издательство ученому корректору, тот приводил статью в порядок, перепечатывал, редактировал, когда возникал вопрос, переходил через двор к Шахматову, тут же решал все на месте, потом отправлял в типографию к метранпажу. Метранпаж — высококвалифицированный наборщик, который был прекрасным шрифтовиком, настоящим типографским художником. Так что никаких специальных редакторов — литературных, технических, никаких дополнительных корректоров, художников-оформителей, все практически делали эти два человека — ученый корректор и метранпаж. Статья появилась не позже чем через три месяца. Сейчас же для ее прохождения понадобилось бы три года. Год вы добиваетесь включения ее в план. Причем в план какой? Редподготовки! Год ее «готовят», а чаще просто кладут в стол, и на год про нее забывают. Еще год — если вам, конечно, повезет — издадут. Не странно ли при таком положении дел, что мы отстаем, и не только в области гуманитарных наук?

— *Как же получилось, Дмитрий Сергеевич, что так стремительно все было утрачено?*

— Из-за бюрократизации. Главным образом из-за бюрократизации. Это огромная опасность. И она заключается в том, что нам сумели внушить страх, — это, мол,

издавать опасно без какой-то дополнительной проверки, без особой цензуры. Значит, нужны люди, которые все это будут делать. И вот мы нагромождаем должности на должности, появляются какие-то промежуточные инстанции, без которых уже вроде бы и не обойтись...

— *И так во всех областях...*

— Конечно, бюрократизм как вирус: он необычайно заразен, и противоядие ему отыскать уже бывает трудно. Вот недавно, к примеру, создали в Академии наук комиссию якобы по борьбе с бюрократизмом. То есть сама борьба с бюрократизмом приобретает бюрократические формы.

— *Так какой же здесь выход?*

— Один — создание общественных организаций, общественный контроль.

— *Советский Фонд культуры, председателем которого вы являетесь, — такая организация?*

— Да, мы его задумывали именно как общественную организацию, главная цель которой — поднятие общего культурного тонуса в стране. Это, как говорят военные, стратегическая задача.

— *Церковь активно сотрудничает с Советским Фондом культуры?*

— Активно. Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим — член президиума Фонда.

— *Дмитрий Сергеевич, Фонд культуры создает различного рода общественные советы. По каким вопросам?*

— Ну вот хотя бы совет по малым народностям. Сегодня необычайно остро стоит вопрос о сохранении культуры малых народностей. Нужно создать сеть бытовых музеев, записать фольклор, сберечь язык — это очень важная задача. Или совет по краеведению, ему я тоже придаю большое значение. Сейчас в Фонде мы разрабатываем модели культурной жизни маленьких городов, сел, деревень. Как организовать ее? Как возродить народные традиционные праздники, игры?

— *Искусственно возродить, наверное, трудно...*

— Вот мы над этим и думаем. В каждом городе, в каждом селе обязательно есть энтузиасты-краеведы. Их надо поддержать, даже и материально.

— *Вероятно, здесь очень многое могут сделать и средства массовой информации — печать, телевидение.*

Что-то я не припомню, чтобы, например, во всесоюзном масштабе организовывались соревнования по народным играм, все большие футбол... И еще: может быть, местные отделения Фонда культуры должны иметь и свой печатный орган? Свои специальные издания? Ведь когда-то в одной Твери издавались десятки собственных журналов, записок. Куда это ушло?

— Да, и об этом тоже надо думать. Нужно развертывать работу. Для этого мы и пытаемся на местах создавать так называемые Общества друзей Фонда. Друзей музеев, парков... Представляете, в Америке существует Общество друзей Павловского парка! Оно даже издает сейчас альбом Павловского парка.

— *В Америке много чего существует. Например, Русское хоровое общество, которое тоже, кстати, собирается издавать 40-томную хрестоматию по русской духовной музыке, в то время как у нас практически нельзя достать даже пластинку с записями духовной музыки. Кстати, почему бы Фонду не заняться этим?*

— Да, мы вполне могли бы издавать нотные рукописи...

— *И, наверное, устраивать и благотворительные концерты — ведь старинная духовная музыка интересует очень многих.*

— Все так. Но признаюсь вам, что мне стоило больших усилий, чтобы у нас в Фонде не было концертов современной эстрадной музыки.

— *Это уже что-то похожее на хозрасчет. Не дай Бог, если и Фондом культуры овладеет эта новомодная идея — перевести культуру на хозрасчет. Вот тут-то и наступит конец культуре.*

— Здесь я с вами совершенно согласен. И даже, если помните, писал об этом в вашей газете. Хозрасчет противопоказан культуре, издательскому делу, искусству.

— *И все-таки хозрасчет в Фонде возможен. И знаете в чем? Например, в культурной политике, связанной с художественными промыслами. Ведь что сейчас происходит? Промыслы, великолепное народное искусство кружевниц, вышивальщиц, керамистов, резчиков по дереву, по кости и т. д. в буквальном смысле находится под угрозой исчезновения.*

Почему бы Фонду не взять под свою защиту эти очаги народной культуры, не создать сети мастерских, школ?

Вот здесь были бы хороши и аукционы. И духовная выгода огромная, и экономическая.

— Я в этом вопросе не специалист, но ощущаю, что он огромной важности. Над ним стоит подумать. Если бы мы это осуществили, это была бы реальная перестройка, практическая.

— Конечно. Еще один вопрос, Дмитрий Сергеевич. Музеи. Фонд ими занимается? Я об этом с тайной надеждой спрашиваю: а вдруг вы как-то ПРАКТИЧЕСКИ сумеете помочь с решением проблемы толстовской Ясной Поляны? Вот уже больше года мы в газете не можем сдвинуть дело с мертвой точки, хотя опубликовали немало материалов.

— И мое письмо тоже.

— Да, и ваше письмо. А воз и ныне там. Министерство культуры РСФСР упорно игнорирует голос общественности, продолжает полуграмотные реставрационные работы, не оставляет идеи строительства в заповедной зоне музейно-экскурсионного центра и т.д. Так вот, Фонд как официальная организация может вмешаться, может реально в чем-то помочь?

— Только на уровне общественного мнения.

— То есть у вас нет никаких юридических прав?

— Какие юридические права? Мы же общественная организация.

— Но, может быть, когда речь идет об объектах культуры, то и общественная организация должна иметь право выступать как юридическое лицо? Не стоит ли Фонду подумать о том, чтобы при каждом крупном музее, например, были созданы так называемые попечительские советы, без санкции которых не решалось бы ни одного крупного вопроса, связанного с судьбой музея, — серьезных реставрационных работ, новостроя в заповедных зонах, назначения руководства. Вот уж сколько времени общественность предлагает на должность директора яснополянского музея Илью Владимировича Толстого, правнука Льва Толстого, а толку никакого...

— Создание таких попечительских советов с определенными правами — это замечательная идея. Голосую «за». Был бы такой совет, может быть, легче решился бы поистине драматический вопрос и с Всесоюзным Пушкинским музеем. Основная его литературно-монографическая экспозиция, состоящая из уникальных реликвий

пушкинского времени, как вы знаете, расположена во флигеле Екатерининского дворца в городе Пушкине. Арендует Пушкинский музей это помещение на договорных началах у музея Екатерининского дворца. Договор в декабре кончается, и Пушкинский музей в буквальном смысле слова вышвыривают на улицу. Сейчас, правда, благодаря настойчивым хлопотам нынешнего директора ВМП С. М. Некрасова найдено новое помещение в Ленинграде, на набережной Фонтанки, но пока оно будет подготовлено, пока будет создана новая экспозиция, пройдут годы. Значит, все это время мы будем лишены уникального музея, уникальной экспозиции, будем лишены мощного духовного очага. Прекратим просветительскую работу, учебную. Парадоксальная ситуация, которая, кстати, многое говорит о нравственной обстановке в наших учреждениях культуры: один музей выселяет другой. Я бы еще понял, если бы Пушкинский музей покушался на какие-то дополнительные помещения Екатерининского дворца... Ведь что такое Екатерининский дворец? Аттракцион первого класса. Разве можно сравнить его воспитательное значение с воспитательным значением Пушкинского музея?

— *А переведи мы культуру на хозрасчет, ведь победит-то Екатерининский дворец!*

— Безусловно. Парадокс еще и в том, что Пушкинский музей должен освободить помещение флигеля — ради чего бы, вы думали? Ради устройства в нем кладовой, в то время как в другом крыле дворца еще совсем недавно располагался однодневный дом отдыха. Вот и используй его в качестве подсобки для хранения фондов.

— *Фонд культуры высказал свое отношение к этому вопросу?*

— Только в моем лице.

— *Вот и опять выходит, что нужны все-таки попечительские советы, и с правами!*

— Что касается Пушкина, то нужно Всесоюзное Пушкинское общество, как это было когда-то.

— *Я знаю, что Фонд задумал его возродить, даже сама вхожу в инициативную группу. И тоже глубоко убеждена, что такое общество необходимо. Нужно поднимать престиж народного пушкиноведения, давать ему дорогу, не сковывать инициативу пушкинистов-любителей, краеведов и в то же время освободить пушкино-*

ведение от дешевой сенсационности, дилетантизма. Конечно, у Пушкинского общества должны быть свои определенные общественные функции, оно не должно подменять собой работу академических учреждений. Об этом мы сейчас думаем. Кстати, и при Институте мировой литературы имени А. М. Горького создано недавно Московское Пушкинское общество под председательством В. Непомнящего. Все это вещи для пушкиноведения необходимые. Хотелось бы только, чтобы у общества были не одни обязанности, но и права. Видите, я опять о правах...

— Я вас понимаю.

— Тогда еще один вопрос. Нужно ли Министерство культуры?

— Чувствую, Светлана Данииловна, что вы задаете этот вопрос от отчаяния, после своих яснополянских мытарств. И все-таки отвечу: Министерство культуры, к сожалению, нужно. К сожалению, потому что оно не всегда оказывается на высоте. Государство в лице Министерства культуры обязано заботиться о культуре, в первую очередь о музеях, библиотеках. Им нужно помогать, финансировать, обеспечивать помещением, оборудованием, средствами охраны. Пока все это, увы, в жалком, почти нищенском состоянии. Особенно в РСФСР. Вы знаете, если бы наша академическая библиотека не сгорела, она все равно бы захирела. Ведь в последние годы она практически перестала получать валюту для выписки из-за рубежа многих книг, периодических изданий. Журналы, которые выписывались сто лет и были в полном комплекте, сейчас оказались некомплектны.

— То есть мы опять приходим к вопросу об остаточном принципе в экономике...

— Вот именно. На культуре экономить нельзя. Надо наконец понять, что в конечном счете культура — тоже материальная сила. И недооценка этого рано или поздно даст о себе знать.

— Вот мы, кажется, и возвращаемся к тому, с чего начали. К тому, что вопросы культуры даже в нынешний период перестройки не поставлены еще по-государственному масштабно.

Вы были гостем XIX партийной конференции. Какое у вас впечатление от выступления деятелей культуры?

— Прямо скажу, что выступления рабочих, производственников звучали сильнее. Ну вот, к примеру, вы-

ступает президент Академии наук. У него нет программы — программы развития науки. Самая ударная вещь была в конце выступления: Академии наук нужна газета. Оказывается, что самая большая потребность Академии наук — многотиражка, которую многие заводы выпускают без особых проблем. Ну и сделай газету! Об этом ли нужно говорить на партконференции?

— *Дмитрий Сергеевич, а о чем бы вы говорили, если бы вам было предоставлено слово?*

— Я бы выступил с программой. С программой развития культуры, и не на двадцать лет, а на сто.

— *Что главное в вашей программе?*

— Я бы постарался показать, что нужно для развития культуры в нашей стране, причем развития не изолированного, а связанного с развитием науки, экономики, социальной сферы. Ведь что сейчас происходит? Культура в пределах РСФСР замкнута в двух городах — Москве и Ленинграде. Это вещь невозможная, так быть не должно. Ломоносов, например, сегодня не мог бы переехать в Ленинград — его бы там просто не прописали. С другой стороны, дать возможность свободной прописки — значит непомерно увеличить численность населения. Это нельзя. Вот у меня и есть предложение — создать мегалиниарный город Москва-Ленинград, осуществить серьезные экономические преобразования на этом пространстве между двумя центрами. Пустить скоростные поезда.

— *Космическая идея!*

— Не совсем космическая.

— *Но кто же будет жить в районе, например, Бологого?*

— Тот, кто хочет пользоваться музеями, библиотеками, театрами Москвы и Ленинграда. Представьте себе, что в Бологом развивается одна система образования, в Клину — другая, например, музыкальная, в Твери создается Российская Академия наук, Новгород становится центром исторической науки.

— *А как быть с другими городами РСФСР, с сибирскими, например? Там такие расстояния...*

— Вот для этого и нужна программа культурной жизни провинции. Обязательное вовлечение в культурную жизнь молодежи — об этом мы думаем, разрабатывая одну из важнейших программ Фонда «Классика».

Превращение местных музеев в научно-исследовательские и просветительские центры, строительство библиотек, создание сети издательств. Строительство театров. Ни в коем случае не гигантских, как это делается сейчас. В Новгороде построили театр больше Софии Новгородской. Заранее можно сказать, что он будет пустовать. Сегодня театр приобретает новые формы, это нужно учитывать. Пусть театры будут маленькие, мобильные. Это особенно существенно для наших условий — огромные пространства, разбросанность населенных пунктов. Людям должно стать интересно жить. Ведь что такое социализм? Это радостный творческий труд. И хотя, как гласит библейская легенда, бог проклял Адама и Еву, сказав, что они будут трудиться в поте лица своего, искупая свой грех, мы не можем, не должны всю жизнь искупать чужие грехи.

Беседу вела С. Селиванова

Литературная газета. 1988. 10/VIII.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЛИЦО АКАДЕМИИ

— *Сейчас не утихают споры: нужна Российская Академия наук или нет, а если необходима, то в каком виде?*

— Само собой разумеется, что нужна. Она должна быть наравне с академиями всех союзных республик. Другой вопрос, как ее возродить. Передать ей сегодня региональные отделения и институты Академии наук СССР значило бы обескровить последнюю. Если же мы будем создавать новые научные учреждения, то для них потребуются научные работники. Самые способные заняты, и потому неизбежно это будет академия третьего сорта. Чего не хотелось бы. Лучше уж вовсе не иметь Российскую Академию, чем иметь третьесортную!

В чем мы действительно нуждаемся, так это в отчетливо национальном лице Академии. А национальное лицо представляют гуманитарные науки. То есть разнообразные филологические, исторические, искусствоведческие дисциплины. Этим всегда отличалась Российская Академия старого образца.

— *Дмитрий Сергеевич, вы, вероятно, помните время, когда она находилась в Петрограде-Ленинграде...*

— Да, на Первой линии Васильевского острова, и была поистине мировым учреждением. Хотя и не в пример меньше нынешней Академии.

Кризисная ситуация ведет отсчет с рубежа 20—30-х годов, когда Академию наук перевели в Москву. Тогда вопреки протестам ученых упразднили Российскую Академию, как и целый ряд учреждений, относящихся к РСФСР. Надо бы поискать в архивах мотивировку этого решения. Говорилось, в частности, что русских ученых в Академии наук СССР вполне достаточно, чтобы представлять национальное лицо. Во всяком случае у меня, в ту пору работника издательства, было ощущение несправедливости, временности такого решения.

Ведь Российская Академия была не только национальным, но и международным центром гуманитарных исследований. И, скажем, востоковедение в Академии наук создавал русский ученый Мелиоранский, монголоведение в Соединенных Штатах — русский член-корреспондент Поппе. В музыковедении у нас были Асафьев, Оссовский. Мощно было представлено литературоведение. Правда, ни Томашевский, ни Эйхенбаум в Академию наук не входили. Это уже в 20-е годы было ненормально. Но их предварял Александр Веселовский, который остается крупнейшей фигурой в литературоведении до сих пор. Вот какая была Академия!

И в наших условиях она должна возродиться. Но сразу, декретом, развернуть ее нельзя, потому что тут же наберется множество чиновников — настоящих творческих людей всегда мало. Проверено: любое новое учреждение начинается с набора штата служащих, обеспечения им надлежащих условий, и этот процесс нередко становится самоцелью.

— *Легко угодить в бюрократическую ловушку?*

— Да. Поэтому я предлагаю **сначала** на базе Отделения литературы и языка Академии наук СССР создать еще одно — российских языков, словесности, истории и искусствознания. Это не потребует больших расходов и кадровых перемещений. А ученые для нового Отделения у нас есть. Потому что, например, весьма достойные специалисты по русской филологии в Академию не избирались годами. У нас не представлено стиховедение. Да

что стиховедение — у нас нет ни одного академика по русскому языку. Это просто возмутительно. Более возмутительно даже, чем отсутствие Российской Академии наук. По украинскому, узбекскому, грузинскому, армянскому языкам члены Академии есть, по русскому — нет. Невозможное положение...

Не хочу называть имена, чтобы не возбудить ажиотажа, но я вижу по крайней мере пять совершенно надежных академиков и десять членов-корреспондентов для этого Отделения, которое будет отражать национальное лицо российской науки.

— *Если это первый этап воссоздания Российской Академии, то когда может начаться и как будет проходить второй?*

— Это зависит от успешной работы на первом, основном этапе. Вообще от успешности реформ в академической системе. Реформы должны обеспечить существование научных школ, многообразие мнений, независимость экспертизы. Иными словами: разрушение монополизма, страшного недуга нашей науки.

— *Сейчас сам факт отсутствия у России своей Академии наук всячески обыгрывают те, кто не имеет к науке никакого отношения...*

— Эти люди совершенно не думают о том, во что может вылиться немедленное учреждение Российской Академии со штатом, допустим, равным штату узбекской Академии наук. Прихлынут жаждущие пристроиться ловкачи, а сама наука не продвинется. Приходится слушать, что в Союзе есть Академия медицинских наук, педагогических наук, а в России — нет. А по-моему, слава Богу, что у нас нет плохой Академии педнаук. Поэтому, чтобы не вызывать цепную реакцию создания параллельных академических структур, я считаю, как уже сказал, самым разумным на первых порах открыть Отделение российских языков, словесности, истории, искусствознания как основу Российской национальной Академии наук с традиционным гуманитарным уклоном.

И последнее. Центр нового Отделения должен быть в Ленинграде. Иной адрес абсолютно немыслим. В Ленинграде расположены институты этнографии, востоковедения, русской литературы с их бесценными архивами; Библиотека Академии наук, которая на протяжении практически всей своей истории была ориентирована на гума-

нитарные издания; Публичная библиотека — по своему уставу Национальная библиотека России, которая является пятой в мире по величине фондов... Я готов продолжать этот перечень, но не менее важно сказать вот о чем. Создание Российского отделения будет способствовать возрождению Ленинграда как величайшего культурного центра страны и мира.

Беседу вел А. Соснов

Поиск. 1989. № 31.

БЛИЗОРУКОСТЬ

— *Дмитрий Сергеевич, в последние годы вы не раз повторяли, что в культуре страны библиотеки на первом месте. Если, не дай Бог, по какой-либо причине вдруг погибнут университеты, музеи, театры, но библиотеки сохранятся, говорили вы, культура с трудом, но все же будет восстановлена.*

Для многих такая иерархия ценностей культуры непривычна. Они считают, что вы преувеличиваете значение библиотек и драматизируете ситуацию, утверждая, что они у нас в катастрофическом состоянии.

А вы сами чувствуете ли, что вас понимают?

— Не чувствую. Когда развалена экономика, когда с каждым днем разрастаются размеры экологической катастрофы и масса социальных проблем, которые надо решать безотлагательно, люди думают: ну какие там библиотеки, это может подождать. А между тем ждать нельзя. Год назад, будучи в Париже, я пошел в библиотеку Центра Помпиду узнать, какие есть книги по Пастернаку. Хотя я специалист по древнерусской литературе, но интересуюсь Пастернаком и даже написал о нем три статьи. Мне сразу назвали книг 10—20. Но мне нужно все. «Ах, вам все? Тогда подождите, пожалуйста. Познакомьтесь пока вот с этими книгами по Пастернаку». Все в открытом хранении, войти может каждый, и никто не спрашивает удостоверений, но при незаконном выносе срабатывает электронная система.

Через 15 минут по спутниковой связи из Библиотеки конгресса США (между всеми крупнейшими библиотека-

ми мира существует эта связь) была получена полная библиография. На экране компьютера сначала пошли собрания сочинений Пастернака, потом отдельные его произведения, потом книги о нем, потом статьи и, наконец, упоминания в более или менее значительных книгах — всего около двух тысяч названий. Это постановка библиотечного дела!

Я вообразил себе нашего аспиранта, которому дали тему по Пастернаку, например роман «Доктор Живаго», — актуальная, кстати, тема, на Западе об этом много написано. Ведь ему только год собирать литературу!

А если бы меня заинтересовали последние работы, скажем, по микросварке? То же самое. Надо обратиться в библиотеку Центра Помпиду.

А теперь представьте положение читателя в нашей национальной библиотеке, носящей название Государственная (!) библиотека СССР (!) имени В. И. Ленина (!) — каждое слово подчеркивает ее важность. Ведь это же наш позор. Какие компьютеры?! Какой открытый доступ?! Если я сам не знаю литературы по микросварке, я ее и не получу там. Если меня туда вообще пустят!

— *Поразительно, но у нас общество смирилось или даже не задумывается над тем, насколько опасно то, что в лучшие библиотеки страны имеет право доступа подавляющее меньшинство населения. Студентов, будущих создателей отечественной науки и культуры, туда не записывают. Люди с высшим образованием могут посещать национальную библиотеку, если только их ведомство подтвердит, что они ведут научную работу. А если ведомство не подтвердит или не захочет подтвердить? Если оно об этом ничего не знает или знать не желает? Сколько людей отсечено от настоящей творческой деятельности! Искусственно сдерживается интеллект нации.*

— Вы забыли еще массу пенсионеров, которые уже не могут ходить на службу, но хотят и могут заниматься наукой в библиотеках.

У меня есть знакомый школьник, который сделал существенные открытия по рукописям. Но сколько усилий мне пришлось потратить, чтобы его к ним допустили!

— *Ваших усилий! С вашим-то авторитетом! А если бы этот школьник попал к «простому» доктору наук?*

Недоступность библиотек просто уже на грани абсурда.

Социологи Лев Гудков и Борис Дубин предостерегают, указывая на самоубийственную близорукость государства, которое строит стадионы на 50, 70 и 100 тысяч мест и не хочет понять, что национальной библиотеке СССР необходимы читальные залы не на две тысячи мест, а на десять тысяч, двадцать тысяч...

— Совершенно необходимы. Если библиотеки не станут общедоступными, страна не сможет развиваться нормально.

Не только состояние наших магазинов, а во многом состояние библиотек и архивов компрометирует нас как нацию! Именно это в поле зрения интеллигенции всего мира. Для того чтобы увидеть своими глазами, что магазины у нас пусты, надо, по крайней мере, к нам приехать. Убедиться же в том, что работа библиотек и архивов никуда не годится, — для этого никуда ехать не надо. Достаточно запросить у нас какие-нибудь архивные или библиографические сведения и наткнуться на отказ.

Нет, мы даже не представляем себе, как падает престиж нашей страны из-за состояния библиотек и архивов.

— *В Западном Берлине недавно прошла международная конференция, посвященная 50-летию начала второй мировой войны. Почти все страны открыли свои архивы для изучения того периода международных отношений. Нас снова критиковали — многие наши архивы до сих пор закрыты.*

— Если бы закрытость архивов была единственным недостатком нашей архивной службы! Здесь целый клубок проблем, недостаточно принять наверху решение рассекретить архивы. Надо еще сообщить всему миру о том, что же именно хранится в них, издать описи и каталоги засекреченных прежде документов. Недавно в «ЛГ» была прекрасная статья на эту тему с характерным названием «Не в одной секретности дело». Ее автор старейший архивист С. В. Житомирская впервые, пожалуй, осветила комплекс основных проблем.

— *Иван Дмитриевич Ковальченко, академик-секретарь Отделения истории АН СССР, рассказал мне такую историю.*

Лет двадцать назад в Ленинграде в Центральном историческом архиве он работал с фондами российского сената, изучал дела, в которых были описания помещичьих

имений, крестьянских хозяйств, — очень интересный материал, представляющий большую научную ценность. Фонды сената огромны — десятки тысяч дел, а архивных описей на них в то время не было. Поэтому ученому приходилось работать вслепую, он сам в хранилище все перебирал и просматривал.

В какой-то из его приездов в Ленинград ему «по секрету» сказали, что часть этих дел скоро сдают... в макулатуру. «Как так?» — он, естественно, изумился. Ему спокойно «разъяснили», что этими делами историки не пользуются, а в архиве не хватает места, вот его и освобождают.

Тогда, 20 лет назад, приговоренные к уничтожению документы удалось спасти. Но есть ли уверенность, что и сегодня все в архивах понимают: то, что вчера исследователям почему-либо не понадобилось, завтра может стать необходимым?

— С архивами у нас в стране исторически неблагополучно. Их безжалостно уничтожали, начиная со Смутного времени. По сравнению, например, со Швецией, Францией архивы у нас очень плохо сохранились.

А вот с библиотеками все обстояло наоборот. Россия была крупнейшей библиотечной державой мира. А где мы сейчас?

Мы очень много потеряли, особенно после войны, когда говорили: «У людей нет жилья, а вы требуете восстановления памятников истории. Давайте сначала решим жилищный вопрос». Сколько времени прошло, и что — решили?

Если в обществе и дальше будет такое отношение к культуре, оно будет катиться вниз и вниз по всем линиям — и по экономическим, и по техническим...

Нет, не «сперва экономика, а потом культура». И то и другое вместе. А я даже сказал бы: сперва культура. Потому что без нравственного подъема не действуют не только экономические законы. Вообще никакие законы не действуют. Борьба с преступностью зависит от состояния нравственности. Общество не может жить только страхом наказания за проступок или преступление, оно живет культурой общения, культурой отношений друг к другу. Люди не могут быть связаны одними карательными законами.

Библиотеки — это не только основа культуры. Информационные ресурсы, находящиеся в них, — это же основа и экономики, и политики. XX век — век информатики. Наше будущее уже сегодня определяется уровнем ее развития.

Библиотека конгресса США в оперативном порядке дает все необходимые справки президенту страны, конгрессу, правительству.

С развитием парламентаризма и у нас перед Ленинской библиотекой встают такие же задачи. Но ведь она не в состоянии с ними справиться — совершенно не оснащена современной техникой и в ней нет необходимых специалистов-информаторов.

— *Как вы думаете, отчего происходит непонимание роли библиотек?*

— От некультурности. Культура начинает поедать самое себя. Падение происходит с нарастающей скоростью. Сперва — кризис средней школы, за ним — кризис высшей, падает образование — падает культура, падает отношение к библиотекам — следовательно, опять идет снижение культуры, и так по новому кругу.

— *Но тогда, очевидно, никакие законы, никакие указы не помогут, пока в обществе не наступит перелом в отношении культуры, пока оно не осознает приоритета культуры и образования в своем развитии.*

Но если все-таки ассигнования на библиотеки не увеличат? Ведь денег нет, особенно валюты.

— Не говорите мне об отсутствии денег. Нет денег, чтобы дальше жить? Страна не может развиваться без хороших библиотек. Деньги надо найти, перераспределить. У нас масса бессмысленных, никому не нужных учреждений, учреждений-анахронизмов.

Беда еще в том, что в нашем обществе утрачено пиететное отношение к книге как к одному из величайших явлений человеческой культуры. Ведь не случайно в средние века, да и последующее время книгам придавалось такое большое значение, так великолепно они оформлялись, украшались. Не знаю ничего красивее, чем средневековые французские книги, греческие книги византийского периода, древнерусские, ирландские рукописи... Это то, что может вдохновить.

Нынешней весной я был во Франции, в Шамборе и еще в одном маленьком городке рядом — примерно 20

тысяч жителей. Принимали на высшем уровне, собрался весь муниципалитет. И куда же, вы думаете, они нас повели после приема? В библиотеку. В комнату, где находятся наиболее ценные книги и рукописи — XV век, XVI...

Вот это культура!.. В прошлом веке там жил один ученый, увлекался ботаникой, собирал по ботанике книги — и нового времени, и средневековые... Ими-то и гордится городок.

Во многих европейских странах книги и рукописи — величайшая национальная ценность. В Чехо-Словакии знаменитое Реймское Евангелие хранится не в музее, не в библиотеке — в канцелярии президента.

А вот мы, боюсь, потеряли не меньше половины книг, которыми обладала наша страна. И продолжаем терять.

— *А сколько книг целенаправленно уничтожали! С книгами поступали как с людьми. Репрессировали.*

— Мы возмущаемся тем, что Гитлер уничтожил книги. Но у нас же их уничтожено больше — ценнейших, редчайших книг. Тоже по идеологическим соображениям. Я не помню, какие это были годы, конец 40-х или начало 50-х. Министерство среднего образования издало преступный приказ уничтожить в школьных библиотеках все книги со старой орфографией. А ведь в старых гимназических библиотеках были редкости. Полное собрание русских летописей, которое начало издаваться в середине XIX века, достать сейчас невозможно. Так же, как, например, великие Четьи-Минеи, «монархическую» историю Карамзина... Но эти книги были в каждой гимназии!

А в 30-е годы? На широкую ногу поставлен экспорт книг, всю работу «Международная книга» — целая организация по вывозу и продаже книг за границу. Мы лишились огромного количества помещичьих библиотек, в которых были французские книги XVIII — начала XIX века в великолепнейших переплетах.

Все это уходило, уходило...

Протоколы Государственной думы, изданные в небольшом количестве экземпляров, охотно покупались библиотеками Запада. Но их нет во многих библиотеках нашей страны.

И сейчас существует опасность: многие думают, что можно продавать из дублетного фонда. Продавать и обменивать дублетный фонд Библиотеки Академии наук,

например. Как же можно отдавать дублеты, не выяснив предварительно, есть ли эти книги в других, хотя бы в крупнейших, библиотеках СССР, не имея общего каталога на все книги страны?

Величайшее несчастье, которое мы претерпели, — это то, что погибли, исчезли во время войны библиотеки Киева, Харькова, ужасно пострадали библиотеки Минска, Львова... Примеры можно множить и множить. Сколько библиотек в нашей стране сгорело и было затоплено уже в мирное время! Тургеневская библиотека, пока ее перевозили из Парижа в Москву и передавали на каких-то станциях, была разворована.

У нас в Ленинграде недавно было залито водой нотное отделение Публичной библиотеки — оно находилось в каком-то подвале в отдаленном районе на Охте. Рукописи, то есть то, что существует в единственном экземпляре, погибли. Хорошо еще, что некоторых композиторов XVIII века переписали энтузиасты.

Какое в обществе отношение к книгам и рукописям — такое и к библиотекам. У нас в стране идет **массовое уничтожение библиотек**. Каждый день я получаю письма из самых разных мест, свидетельствующие об этом. Местные власти продолжают думать, что библиотека — нечто несущественное в жизни города.

Справедливости ради надо, однако, сказать, что у процесса уничтожения библиотек в нашей стране есть свое начало. Помню, в конце 20-х было приказано ликвидировать библиотеку Петербургской Духовной академии (нынешняя ее библиотека уже составлена заново), а книги — куда угодно: сжечь, в макулатуру, на перемолку. Я от нескольких лиц знаю, как к ним с полными чемоданами приходили те, кто был связан с библиотекой, и умоляли: «Спасите книги!» Их некуда было деть — редчайшие книги! У моего учителя было прекрасное собрание отцов церкви — он попросил принести ему именно это.

— *Сегодня, разумеется, библиотеки не убивают так откровенно и злонамеренно. Сегодня им дают возможность отойти в мир иной тихо, не вмешиваясь в этот процесс. Или, напротив, помогая изо всех сил. Но к чему приводят административные порывы, когда, например, «в целях дальнейшего совершенствования», «укрепления», «усиления», «повышения роли» и т. д. несколько библиотек*

берут и объединяют, укрупняют? Вместо нескольких культурных центров, в каждом из которых создавалась своя более или менее независимая культура, была своя культурная аура, образуется один. Даже если им будет руководить хороший директор, разнообразие — залог существования национальной культуры — постепенно будет стираться. А если плохой?

Что из того, что гигантоманию, единообразие осуждают теперь даже с высоких трибун? На культуру это мало пока распространяется.

— С назначением на должность директоров библиотек у нас вообще происходит нечто невообразимое. Как правило, ставят во главе библиотек номенклатурных работников, не пригодившихся в других областях, — культура приносится в жертву бескультурью, обрекается на гибель. Горела в прошлом году Библиотека Академии наук — национальная трагедия. Кто стоял во главе ее? Человек, который ею не интересовался, в БАН числился на полставки, а главные его интересы были в Онкологическом институте, на основном месте работы.

Сейчас крупнейшими библиотеками руководят неизвестные народу люди. Раньше во главе их стояли крупнейшие ученые, поэтому у библиотек был такой авторитет.

Возьмите Библиотеку конгресса США. Ее директор — приближенное лицо к президенту, библиотека работает под его наблюдением и имеет права почти что Академии наук.

То же было и в Российской Академии. Директор Библиотеки Академии наук Шумахер имел возможность спорить с Ломоносовым и даже причинять ему большие неприятности. Пусть он не прав был в этих спорах, но у него были такие возможности. А ныне? Библиотека Академии наук сегодня — третьестепенное учреждение, которым президиум АН, в общем, мало интересуется.

В 1923 году Библиотека Академии наук СССР переезжала в новое помещение — в то здание, в котором она в прошлом году горела, — и ни на один день(!) тогда не закрывалась. Потому что ученые, руководившие Академией наук и библиотекой, понимали, что закрыть ее — значит исключить возможность научной работы по многим специальностям.

Как же было все сделано? Тщательно разработали план переезда, в новом помещении заранее заготовили полки для книг, соответствующие тем, которые были в старом, наняли студентов, и те на спине переносили стопками книги и ставили их на то же место, где они находились в старом здании. Любую книгу можно было получить на следующий день. Узнавали по шифру, перенесена она уже или нет, и обращались либо в старое, либо в новое здание.

— *А сейчас Отдел рукописей Ленинской библиотеки, которым руководит В. Я. Дерягин, переезжал почти год! Не целая библиотека, а всего один отдел. Семь месяцев ученым не выдавали рукописи, хранящиеся в нем. Двадцать лет назад в отделе тоже был переезд, но тогда для этого потребовалось две недели. Любопытная деталь: во время нынешнего переезда сменили главного хранителя отдела, опытного специалиста. Новое помещение, как говорят, совершенно не приспособлено, губительно для хранения в нем уникальных фондов — огромного собрания средневековых рукописных книг, архивов Достоевского, Гоголя, Чехова... И получилось, что за сохранность всех фондов, за условия их хранения уже не отвечает бывший главный хранитель, а новый просто не может принять на себя эту ответственность, если он, конечно, не самоубийца. А кто же все-таки отвечает? Ведь речь идет о бесценном национальном достоянии.*

Впрочем, о «чудесах» в Библиотеке имени В. И. Ленина «ЛГ» не раз писала. Но это, надо сказать, не производило сильного впечатления на руководство Министерства культуры СССР.

Примечательно, однако, что, когда в Верховном Совете отвели кандидатуру В. Г. Захарова на должность министра культуры, едва ли не основной причиной тому называлось «безобразное состояние наших крупных библиотек». Тем не менее будем справедливы к бывшему министру. Не он виноват в этом в первую очередь. Непосредственные же «руководители» библиотечного дела в стране по-прежнему сидят на своих местах — заместители министров, начальники главков...

— *Министерство культуры у нас занималось главным образом театрами и интригами в них, там всегда думали, что их основная обязанность — решать, кого послать на гастроли на Запад, а кого нет, и самим*

поехать туда же. В самом Министерстве культуры, по моим наблюдениям, очень мало людей, по-настоящему интересующихся культурой, это сильно дискредитировавшее себя учреждение. В нем самом далеко не все понимают, что значат библиотеки для страны, они думают, что культура — это только Госконцерт, эстрада, Большой театр, Эрмитаж...

— Дмитрий Сергеевич, не кажется ли вам, что назначение на должность директора национальной библиотеки, других крупнейших библиотек страны — слишком серьезная вещь, чтобы отдавать это на откуп ведомствам — Министерству ли культуры, Академии наук? Может быть, те, кто их сейчас занимает, должны пройти утверждение в Верховном Совете, и впредь без обсуждения в нем никого не назначать?

— Обязательно. Вообще директора всех библиотек должны утверждаться на сессиях местных Советов. Может быть, это будет гарантией того, что директором городской библиотеки или музея не назначат директора банно-прачечного комбината, как это было после войны во Владимире.

— Или директора тюрьмы — директором оперного театра, как это было в 70-е годы в Одессе...

Приходя к власти, невежественный, но волевой руководитель первым делом проматывает наследство — начинают «по собственному желанию» увольняться лучшие специалисты.

— Да, причины, почему из Ленинской библиотеки, Библиотеки иностранной литературы в последние годы уходили наиболее квалифицированные кадры, необходимо проанализировать.

— К сожалению, наше общество плохо представляет себе, чем оборачивается для него недостаток квалификации библиотекарей и архивистов.

Сильное впечатление в прошлом году произвел на всех пожар в ленинградской Библиотеке Академии наук. В огне погибли ценнейшие книги, старые газеты, безвозвратно погибла, стало быть, ценнейшая информация. Но вот читатель И. Френк, математик, написал в «ЛГ» следующее: «Мало кто знает о том, что в стенах библиотек ПОСТОЯННО бушует «тихий пожар», который уносит около 30 процентов информации, хотя ее источники — книги, статьи, журналы, патенты, стандарты, переводы и

др. — вовсе не горят, а целехонькими стоят на полках. Затратив на их приобретение много денег, в том числе валюты, не обеспечили их полную и точную выдачу. Основная причина — непрофессионализм и невзыскательность при обработке литературы, то есть дефекты шифров». Часто это происходит потому, что библиограф просто неверно понял содержание книги.

— К этому надо добавить еще отсутствие карточек в каталогах, заставленные книги — когда они стоят не на своем месте и их нельзя найти.

— *Если лучшим специалистам не создавать УСЛОВИЯ для работы, то «тихий пожар» теоретически может охватить и 100 процентов библиотечных фондов.*

Интересно, оценивал ли кто-нибудь, во что обходится обществу библиотечный брак? Мы учимся считать убытки от вовремя не поставленного на конвейер килограмма гвоздей. А вот каков, например, убыток от того, что ученый, который занимается проблемами межнациональных отношений или проблемами безопасности термоядерных реакторов, недодумал до конца мысль — недодумал потому, что в библиотеке вовремя не нашлось нужной ему книги?

— А во что тогда обходится обществу закрытая библиотека? Какие будут последствия того, что недавно, например, вынуждена была закрыться библиотека Ленинградского университета?

Самоубийственно-нерадивое отношение в нашем обществе к библиотекам во многом, мне кажется, объясняется тем, что такие задачи у нас еще не просчитывают математически и экономически. Хотя уже рождается понимание, что некультурный человек экономически невыгоден.

— *Есть ли какие-нибудь надежды, что положение с библиотеками поправится?*

— Надежды связываю с очень хорошими рядовыми работниками библиотек, их много — тысячи, десятки тысяч, несмотря на нищенское жалованье, несправедливо низкий престиж профессии, униженное положение, когда любую мелочь им приходится вымаливать с протянутой рукой. Это и есть мои единомышленники. В стране 330 тысяч библиотек, и каждая несчастна по-своему, притом что масса общих, принципиальных проблем. Я получаю

огромное количество писем, и все — крик боли, отчаяния, беспросветность. Но именно это бедственное положение и вызывало к жизни целое движение за возрождение библиотек. И оно ширится и крепнет...

— *У этого движения есть уже свои лидеры. Лидеры — люди и лидеры — целые библиотеки. Прежде всего Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы.*

А что вы как председатель Фонда культуры можете сделать?

— Реально сегодня — создать ассоциацию библиотечных работников, которая существовала бы на правах творческого союза или под эгидой Верховного Совета. И пусть эта ассоциация сама выработала бы статус наших библиотек всех рангов — от школьных и сельских до научных и государственных, подготовила бы проект закона о библиотеках. Нужно найти людей, которые возглавили бы эту работу.

Но кроме союза библиотечных работников должны быть и общества друзей библиотек. За границей при библиотеках, музеях, парках и даже кладбищах есть общества друзей. И у нас должно быть что-то подобное.

В каждой деревне, где была помещичья усадьба, есть парки. Они сейчас в ужасающем состоянии. Но если школьников объединить вокруг ухода за парками, чтобы они подсаживали деревья на место погибших, интересовались историей парка, у нас в обществе будет вырабатываться совершенно иное отношение к природе. Если ребенок видел в детстве заплеванный парк, он уже и о лесах не будет заботиться, а если он посадит дерево в парке, если его приучат к этому, вырастет совсем иной человек.

Но нам нужны и друзья библиотек.

При обществах милосердия, которые заботятся о стариках, нужны книгоноши. Ведь они были раньше, описанные Некрасовым, Достоевским, — за 3 копейки приносили книги на прочтение и уносили их.

Россия была насыщена книгами.

Когда я был студентом, весь Литейный проспект — от Литейного моста и до Невского — представлял улицу букинистической торговли. Сейчас в Ленинграде одна десятая той книжной торговли, которая была в старом Петербурге, а ведь город вырос в 6 раз. Это просто на глаз видно. Уже нет улицы, которая бы торговала книга-

ми. Нет у нас удивительной набережной Сены, воспетой Анатолем Франсом и другими. Вся набережная, все гранитные стойки на ней уставлены коробками; ночью они заперты на висячий замок, а днем перед ними стоят торговцы книгами. И чего там только нет — и русские книги, и румынские, и старые гравюры с видами Парижа, и даже восточные рукописи. И там ходят — и получают образование!

В университете я слушал лекции совершенно замечательного человека — ученого Дмитрия Ивановича Абрамовича. Он учил нас, как обращаться с книгами. Он говорил: «Вы можете не читать многие книги, но посмотреть на них, подержать в руках вы обязаны, только так вы их запомните».

Мы его только вдвоем слушали, два студента, остальные ходили на более модные лекции. И он специально для нас таскал целый саквояж, набитый книгами, которые брал в Публичной библиотеке, где работал. Показывал их нам, заставлял читать предисловия, просматривать оглавления, рассказывал историю возникновения каждой книги... Самые большие знания я получил именно от него, то, что он объяснял и показывал, запомнилось на всю жизнь. Он учил: «Вы приходите в библиотеку — не ленитесь, закажите как можно больше книг: одну вы будете читать, а остальные просто просмотрите. Может быть, они вам понадобятся, вы будете их знать. С книгой, как с человеком, нужно познакомиться в лицо, а не по визитной карточке».

И библиотеки имеют то значение, что позволяют это делать.

Беседу вел Е. Кузьмин

Литературная газета. 1989. 20/IX.

ВОСПИТЫВАЮЩАЯ НАУКА

Любовь к родному краю, знание его истории — основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура, как растение: у нее не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней.

Над вечным покоем. Картина И. Левитана

*И. Левитан.
Картина В. Серова*

Сохранение обычаев, фольклора, музыки каждой местности необходимо для сохранения культуры страны. Даже удвоив, утроив число музейных работников, мы не сможем все сберечь, ничего не растерять. Это по силам только армии энтузиастов-краеведов. Краеведческие кружки могут стать маленькими культурными центрами в небольших городах и селах. Их не заменить столичными театрами и музеями.

Краеведение принадлежит к комплексным наукам. По типу оно близко к географии, но география обходится без оценок — она «спокойнее», строже, бесстрастнее. Это своего рода «общественный недостаток» географии. Краеведение оценивает значительность происшедших на той или иной территории событий, связанных с этой местностью людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей. С этой точки зрения моральная отдача краеведения как науки исключительно велика. И при всей необходимости географии краеведение — гораздо более «воспитывающая» наука.

Биолог, исследующий явления жизни, не вносит нового начала в сам объект исследования. Литературоведение и искусствоведение открывают что-то новое для читателей, зрителей, слушателей, но это «новое», если оно, конечно, верно, не вносит в предмет ничего сверх замысла творца, автора.

Иное дело краеведение. Оно придает местности, не имеющей «авторского происхождения», историзм, открывает в ее прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное. Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, для нас этот дом уже наполняется духовным содержанием. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Природа Плёса приобретает особую красоту от сознания, что именно ее изобразил И. Левитан. Мы по-особому ценим места, связанные с творчеством Гоголя или Шевченко, Пушкина или Баратынского.

Чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения в том, что у него нет «двух уровней»: для специалистов и для широкой публики. Оно само по себе популярно и существует постольку, поскольку в его создании и потреблении участвуют массы. Краеведение учит людей не только любить свои родные места, но и знанию о них, приучает интересоваться историей, искусством, литературой, повышать свой культурный уровень. Это самый массовый вид науки: в сборе материалов могут участвовать и большие ученые, и школьники.

Свой наивысший подъем русское краеведение пережило в начале XX века. И он во многом связан с двумя выдающимися личностями — профессором И. Гревсом и его учеником Н. Анциферовым. И. Гревс заложил основы «городского краеведения», создал «экскурсионный метод» обучения истории, который, по существу, может быть изучением того, что И. Гревс называл «душой города». И. Гревс так определил значение городов в познании исторического прошлого страны: «Города — это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов... Город — центр в одно время культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города — прекраснейший путеводитель ее хода и судеб».

Интереснейшая работа И. Гревса «Монументальный город и исторические экскурсии» была издана в 1921 году и с тех пор, к сожалению, не переиздавалась. Хотя при определенной редактуре она была бы весьма полезна и сегодня.

В конце 20-х годов краеведение было объявлено лженаукой. Считалось, что человек, углубленный в историю, уходит от современных проблем. Боялись идеализации старины. В Москве было такое общество — «Старая усадьба». Оно устраивало вечера в музейной обстановке усадеб — там танцевали, слушали музыку. Так им инкриминировалось, что они сохраняют музейные ценности, чтобы потом при благоприятных обстоятельствах передать их бывшим хозяевам, которые уехали за границу. Сегодня во многих пригородах Ленинграда — в Павловске, в Ораниенбауме, в Пушкине, в Гатчине такие концерты стали обычным делом.

Сейчас, к счастью, другое отношение к истории. Есть предпосылки для нового подъема краеведческого движения. Он, собственно, уже начался. Причем краеведы не ограничиваются пассивным изучением истории и природы. Создаются общества друзей памятников, защиты природы, различные любительские объединения. И что особенно ценно — входят в них люди молодые. Если любительскими объединениями движет патриотизм, а не шовинизм, чувство национального достоинства, а не националистические амбиции, это можно только приветствовать.

Сохранять нужно все памятники данной местности, независимо от того, какому народу они принадлежат. Каждый город — это синтез нескольких культур. В Прибалтике строили и немцы, и шведы, и русские. В Крыму есть памятники, которые оставили нам античность. Византийская империя, скифы, мусульмане, армяне. Немало привнесли другие народы в города, стоящие на пути «из варяг в греки», на Великом шелковом и Янтарном пути.

Работа энтузиастов имеет смысл и приносит пользу лишь при умелом руководстве профессионалов. Возглавить краеведческую работу могли бы сотрудники музеев. Это преданные своему делу, бескорыстные по большей части люди. Они хранители нашей исторической памяти. Хотя, признаться, их зарплата далеко не всегда соответствует важности их общественной миссии. Престиж музейного работника надо поднимать, и дело не только в зарплате, а в том, чтобы у музейных работников было право голоса в делах своего города, чтобы они входили в городские Советы, чтобы с ними считались.

В опубликованном проекте комплексной программы

развития центра Москвы было предложение ввести курс истории Москвы для обязательного изучения в школах и вузах столицы. Я думаю, что это должно касаться не только Москвы. Краеведение должно стать обязательным предметом в каждой школе. В каких классах, в какой форме, нужно еще подумать. Но в любом случае краеведение должно быть очень живым предметом, с посещением музеев, с экскурсиями в другие города.

В свое время я школьником ездил на экскурсию по русскому северу. Мне это очень много дало в формировании представлений о стране, о фольклоре, о деревянном зодчестве, я видел много из того, что уже исчезло. Путешествовать по родной стране нужно как можно раньше и как можно чаще. Школьные экскурсии устанавливают и добрые отношения с учителями, вспоминаются потом всю жизнь.

Краеведение — прекрасная школа воспитания гражданственности. В каждом городе, в каждом селе нашей страны должны быть памятники жертвам минувшей войны. Пусть скромные, но не безымянные. Надо спешить, пока еще живы те, кто помнит имена героев. Это святое дело должна взять в руки молодежь. Немало могут сделать школьники и в сохранении памятников истории и культуры. Советский фонд культуры предполагает установить формы поощрения лучших детских краеведческих

Таллинн

коллективов. Это могут быть и путевки на экскурсию в Москву, Ленинград, по Золотому кольцу.

Преподавать краеведение, руководить этой работой нельзя на дилетантском, любительском уровне. Необходимо развитие теории краеведения, разработка учебных программ, достаточно гибкая, чтобы они могли применяться в каждой местности. Теория краеведения должна быть предметом изучения в гуманитарных и педагогических вузах. Сейчас такой курс введен в Московском государственном историко-архивном институте. Безусловно, надо ставить вопрос и о самом широком издании трудов по краеведению. Преподавание краеведения в школе в какой-то мере поможет решению и экономических задач хотя бы тем, что, создав атмосферу оседлости, снизит потоки миграции.

Краеведческие знания необходимы многим профессиям. Архитекторы, например, по большей части крайне поверхностно знают историю города, развитие которого они проектируют, не имеют представления о том, что в этих городах ценного в градостроительном отношении, какие градостроительные идеи в них развивались. Простейший пример. В Новгороде большой современный театр выстроен тылом к Волхову. На центральной площади в Новгороде-Северском универмаг также встал тылом к Десне и закрыл собой вид на реку и заливные луга. И в том и в другом случае архитекторы, видимо, не имели представления, что древнерусские города строились лицом к реке, именно река была центральной магистралью города. Только история города, взятая в ее краеведческом смысле, поможет градостроителям сохранить и даже обогатить образ города, его «душу».

Хотелось бы снова напомнить о том, что память — это не сохранение прошлого, это забота о будущем.

Советская культура. 1987. 20/X.

КУЛЬТУРА, ПРАВСТВЕННОСТЬ, ОБЩЕСТВО

Вопросы нравственности чрезвычайно усложнились в нашем мире. Обратите внимание на рост значения зако-

нов нравственности в современной науке, в промышленности, в политике...

В самом деле, научные открытия могут быть приняты лишь при условии полной честности сделавшего их ученого. Множество экспериментов не могут быть повторены, не поддаются проверке, или сам эксперимент стоит настолько дорого, что повторение его может быть сделано лишь в исключительных случаях. Честности требует даже работа с компьютером, куда могут быть заложены неверные сведения.

В какой мере допустимы с точки зрения морали некоторые эксперименты в генетике — с человеческими зародышами, например?

Каковы условия порядочности ученого в отношении своих предшественников и товарищей? Право моральной собственности на идеи и наблюдения.

Все это вопросы чрезвычайно важные и чрезвычайно сложные. Нравственность в современном мире теснейшим образом связана с культурой человека и общества.

Недостаток культуры в нашем обществе волнует меня больше всего. Никакие законы истории или издаваемые государством, никакие надежды на будущее не оправдаются, если не будет поднят общий культурный уровень нашей жизни, культурный «тонус» нашего общества.

Сейчас это особенно важно осознать, так как уровень культуры не просто низок — он падает. Десятилетия истребления интеллигенции, десятилетия падения школьного образования и «остаточный принцип» в отношении финансирования культуры, бесконечные катастрофы с наиболее важными хранительницами культуры — библиотеками (научными и «народными»), неправильная издательская политика, при которой публиковалось не то, что требовалось читателем, а то, что ему навязывалось по разным соображениям, сыграли свою отрицательную роль. И все это на фоне общего застоя в области культуры, который начался гораздо раньше — до самого так называемого «застойного периода», боязнь не только самостоятельной мысли, но и вообще всякой самостоятельности людей привели к тому, что даже самое поведение людей сильно изменилось к худшему — к вызывающе неряшливому. Не удивляйтесь сказанному: постараюсь объяснить, какое отношение не только к науке, эко-

номике, политическому мышлению, но и общему поведению людей, даже к их облику имеет культура.

Не буду вдаваться в чрезвычайно сложные вопросы — что такое культура и интеллигентность. Остановлюсь на чем-то, представляющемся мне элементарно ясным.

Культура основывается на знаниях, хотя сама не является просто большим объемом знаний. Можно много знать и не быть культурным человеком. Культура — это прежде всего результат знаний, знаний упорядоченных и вместе с тем осознающих свою недостаточность.

В самом деле, чем больше человек знает, тем яснее он понимает недостаточность своих знаний. Сама наука развивается не столько путем ответов на вопросы, сколько путем постановки все новых и новых тем, в основном возникающих в результате ответов, которые не столько закрывают от нас мир, сколько открывают неизвестное. Часто повторяемый афоризм «я знаю, что я ничего не знаю» — не является кокетливым самоуничижением. Это закон упорядоченного знания.

В науке XVIII века жила уверенность, что мир скоро будет объяснен до конца и все в нем станет понятным. Человечество стояло как будто бы на грани полного познания мира — во всех областях. Сейчас, в XX веке, физики-теоретики знают, что мы очень далеки от подлинного объяснения мира. Это знание того, что мы очень мало осведомлены о Вселенной, о строении материи, об экономике, об искусстве (в теоретическом отношении) и т.д. — свойственно сейчас всем наукам (кроме самых отсталых), всем ученым...

Отсюда особая осторожность подлинно знающих людей, осознающих зыбкость человеческих знаний, и рядом с ними чрезвычайная самоуверенность полужнаек. Самоуверенность и агрессивность, крайняя ненависть к осторожным культурным людям, которые представляются им просто нерешительными или даже умышленно сопротивляющимися.

Полужнайке кажется, что он знает все, и прежде всего рецепты благополучия человечества, быстрый выход из временных затруднений. Полужнайке кажется, что ученый или просто культурный человек плохой проводник его самоуверенной политики, но еще и укор его невежеству, укор крайне оскорбительный для полужнаек, уверенных в своем «всезнайстве».

Агрессивный полужнайка ищет панацею от всех общественных бед — то в сплошной и насильственной коллективизации, то в более элементарных вещах вроде «ветвистой пшеницы», свиноводстве, кролиководстве, массовых посевах кукурузы, плотинах, различного рода гигантских предприятиях, в уверенности, что в природе все можно менять (это еще Салтыков-Щедрин заметил). Отсюда естественный рост командно-административных методов управления. Отсюда же грубость с подчиненными, нежелание менять раз принятого решения («лобная психика») малокультурных людей (полужнаек). Отсюда же существовавшее в свое время пристрастие полужнаек к «командирской» военной или полувойснной одежде, к военной и милицейской терминологии в языке. Некультурность видна во всем облике полужнайки, в его поведении. Принципиальная агрессивность во всем — в мировоззрении, в отношении к гласности, в отношении к природе, к истории, к различным течениям в искусстве (особенно к тем, которые не сразу понятны и требуют от человека несвойственной полужнаикам восприимчивости). Агрессивность идет рука об руку с уверенностью, что все инакомыслящие — враги, а если не враги, то принадлежат к народностям, искони не обладающим какими-либо свойствами или обладающим только дурными. Отсюда же уверенность, что все недостатки — от злых свойств каких-то народностей или от таинственных многовековых заговоров, тайных обществ...

Одним словом, полужнайка ведет себя так, как будто бы он находился в полужнакомом ему лесу в сумерках: стволы деревьев он принимает за разбойников, жаждущих на него напасть, он не видит дороги и с радостью бросается на все, что покажется ему дорогой или тропинкой. А самое главное — цель для него оправдывает средства, ибо он верит только в им самим сконструированное будущее и для него не существует ни прошлого, ни уроков истории. Он движется на ощупь и вот-вот встанет на четвереньки, чтобы душиить и уничтожать любое препятствие: «ликвидировать», «пускать в расход». Он верит в «высшую меру», точнее, в убийство, как в наиболее действенный способ борьбы с преступностью.

Итак, полужнайка, полуинтеллигентность воспитывают определенные, очень опасные черты характера, поведения, отношения к окружающему миру — людям и

природе, к истории, памятникам культуры и искусству. В наиболее кризисных ситуациях полуинтеллигентность создает таких людей, как Гитлер, Муссолини, Сталин и «иже с ними». Создает сообщество таких же полужнаек с психологией стадности, «вождизмом» (наиболее агрессивный из полужнаек легко становится вождем, или, точнее, вожаком стаи). Итак, полужнаиство опаснейшая социальная болезнь.

Но если полужнаиство — болезнь, болезнь, вызванная частичной незаполненностью мозговой деятельности, приводящая к самоотравлению, то, может быть, эту болезнь можно все же лечить? Это чрезвычайно трудно. Во-первых, никто из полуинтеллигентов или полужнаек не осознает себя таковым. Они окружают себя людьми такого же невысокого интеллектуального уровня, среди которых чувствуют себя вполне сносно. Во-вторых, они обычно ведут борьбу за практическое использование знаний. Они покровительствуют техническим наукам и техническим профессиям, их «немедленной полезности», ибо в технике есть что-то понятное по результатам.

Но самое главное: тип полуинтеллигента со всеми «выходами» этого состояния в мироощущение и общественное поведение складывается в основном еще в юности. Огромное значение имеет семья и средняя школа, дополнительно — высшее образование. Последнее дает только окончательную шлифовку. Техническое образование дает совсем мало. Главное, формирующее человека, его нравственный мир и в какой-то мере отношение к окружающему, дается гуманитарными науками, гуманитарной культурой в целом, искусством.

Но дело не так безнадежно. Спасает высокий профессионализм в своей области, который может быть достигнут в зрелом возрасте и даже в старости. Осознанный профессионализм в какой-то одной области (технической, медицинской, педагогической и т. п.) заставляет человека не вмешиваться в то, чего он не знает в достаточной мере. Профессионализм учит, приучает. На примере своей хорошо освоенной профессии специалист понимает важность знаний в целом. Мне приходилось встречать вполне интеллигентных столяров, наборщиков, крестьян. В них была приобретенная их специальностью, хорошим знанием и владением своего дела «мудрость». Мудрые старики — это в основном хорошие работники в прош-

лом. Мне иногда представляется, что можно составить список профессий, которые очень часто воспитывают с годами у занимающихся этими профессиями мудрое отношение к людям, природе и прошлому.

Итак, мы поговорили о бедах полуинтеллигентности, о бедах, которые эти полуинтеллигенты приносят в мир, человеческому обществу, окружающей природе.

Поговорим теперь об интеллигентности. Какими чертами отличается она, как сказывается на поведении интеллигентных людей и на человеческом обществе?

Образованность не есть еще интеллигентность. Она только один из путей к интеллигентности. Образованность в значительной мере формирует нравственный мир человека и сказывается на его поведении, даже манере держаться. Интеллигентного человека характеризует прежде всего уважительное отношение к окружающему и к окружающим, сознание того, что он не обладает полной знаний, а находится только на пути к знаниям. Поэтому он постоянно пополняет свои знания, особенно в области гуманитарной культуры. Отсюда осторожное отношение к другим людям и их убеждениям, отрицание насилия как пути к счастью, неверие в принцип «цель оправдывает средства». Отсюда отсутствие самоуверенности в поведении и в манере себя держать. Отсюда уважение к опыту истории, к культуре вообще. И вместе с тем интеллигентный человек лишен комплекса неуверенности в себе. Отсюда отсутствие боязни чужого мнения, чужих предложений и готовность согласиться с мнением специалистов, людей так или иначе заинтересованных. В существе своем внешне неуверенный интеллигент гораздо увереннее в себе любого агрессивного полуинтеллигента. Полуинтеллигент чаще всего категоричен, не способен изменить своего прежнего мнения, болезненно относится к своему престижу, груб с подчиненными — это все признаки слабости, впрочем, редко осознающиеся самими полуинтеллигентами.

Почему я все время говорю о роли гуманитарных наук и искусств в воспитании общей интеллигентности юношества? Здесь дело простое. Литература, живопись — вообще все искусства учат жизненному опыту. Они не только позволяют человеку прожить несколько жизней, пережить различные жизненные ситуации, возвышают чувства, которые могли бы остаться обыденными, ничем

и не примечательными: например, кончину друга, любовь и пр., но и заметить в обычном необычное. Заметить красоту простых явлений, в иных случаях представлявшихся скучными и серыми. Они знакомят с «чужим» сознанием — другого человека, другого народа, другой страны, с красотой природы. Гуманитарные искусства воспитывают эстетически и этически. А кроме того, искусства развивают интуицию, которая очень важна во всех науках. Недаром великие ученые увлекались и увлекаются музыкой, сложными формами живописи, поэзией. Изучение языков, особенно древних, также развивает умственные способности, особенно если это изучение правильно поставлено: с усвоением грамматики, умением правильно пользоваться словарями, читать со словарями трудные тексты.

Как сделать так, чтобы преподавание литературы давало бы наибольшую пользу в нравственном и эстетическом отношении? Конечно, оно не должно быть сообщением только знаний по литературе. Преподавание должно приучать любви к литературе и чтению так же точно, как преподавание истории — любви к своему прошлому и настоящему. А оба предмета должны смыкаться с краеведением, с изучением своего края и в его литературных и исторических припоминаниях, в памятниках искусства. Поэтому учитель не должен быть зажат только в программах и методичках. Его работа должна быть творчеством. Учитель должен с интересом преподавать то, что, в первую очередь, интересно ему самому, что он любит, конечно, ориентируясь на тот список необходимых знаний, которые понадобятся при поступлении в вуз ученику, окончившему среднюю школу.

Искусства должны приучать видеть в мире добро и красоту, борющееся добро и борящуюся красоту.

Я за разные типы средних школ. Только тогда учащиеся будут гордиться своей школой, своими учителями. Надо возродить в учащихся гордость своими знаниями, своим умением в той или иной области. Нельзя отделять труд от учения. Учение, приготовление уроков, пребывание в классе — это и есть труд, труд упорядоченный, приучающий к аккуратности, к чувству долга и ответственности за приготовление к занятиям.

Но я слишком много, кажется, говорю о средней школе... Это не случайно, ибо средняя школа, как и

семья, в первую очередь воспитывает интеллигентность. А нельзя ли это восхождение к интеллигентности совершить как-либо побыстрее? Не будем обманываться — нельзя. Нельзя, но крайне необходимо. Интеллигентность должна быть свойством всего народа, всей страны. Интеллигентность в какой-то мере «заразительна», если она авторитетна. В нашей стране слишком долго (с 60-х годов XIX в.) интеллигентность считалась чем-то чуть ли не позорным. Антиинтеллигентские настроения проникли даже в литературу (вспомните Васисуалия Лоханкина у Ильфа и Петрова — образ интеллигента подчеркнуто отрицательный).

Вспомните, в советской литературе так ли уж част персонаж — интеллигентный рабочий. А между тем не сразу, но в конечном счете интеллигентными должны стать и рабочие, и крестьяне, и все служащие от самых мелких до самых крупных, и все руководители предприятий, областей, министерств (что не всегда сейчас бывает). Для этого нужно, чтобы каждый осознал свою полную причастность к культуре, ощутил в себе достоинство человека, не лгал бы в «служебных целях» — для утверждения своего проекта, сметы, плана и т.д. Правдивость перед самим собой — это общественная позиция, на основе которой только может укрепиться правдивость общественная, подлинная гласность, которую следует рассматривать не только как право получать информацию, но и как обязанность руководителей своевременно информировать обо всем, что может представлять интерес для других.

Итак, интеллигентность и культурность не следует путать с образованностью и профессиями умственного труда. Интеллигентность — следствие образованности, следствие всесторонних знаний, при наличии которых в достаточно молодом возрасте вырабатываются определенные жизненные навыки, определенное же бережное отношение к людям и природе, свой тип поведения, глубокая социальность.

Самый крайний антагонист интеллигента и культурного человека — полуинтеллигент, полузнайка, у которого воспитывается сознание своей осведомленности, уверенности в себе, агрессивности в отношении к окружающим и окружающему. Полуинтеллигент — это полупустая бочка, грохочущая при всех спусках, с перемешан-

ным содержимым, недостаточно плотно упакованным гуманным мироотношением, вырабатываемым только глубокими знаниями.

Воспитать в человеке интеллигентность и соответствующее мироотношение (при любых разностях в мировоззрениях) может только семья, начальная и средняя школа. В дальнейшем интеллигентность может поддержать и даже создать сама окружающая среда.

Создание культуры в обществе — дело серьезное и длительное. Нужна забота государства о культуре, об образовании, о библиотеках, о театре и кинематографе. У молодежи должно существовать не стремление к «интеллигентным профессиям», а тяга к общей интеллигентности, гордость своими знаниями. Нравственный климат в обществе определяется степенью его культуры. Без определенного уровня нравственности и культуры в обществе не действуют никакие установления, законы экономики, необходимая степень доверия людей друг к другу. Даже чувство достоинства нации и благополучие в межнациональных отношениях определяются культурой населения.

Будем же всерьез думать о том, как поднять культурный тонус нашей жизни.

Публикуется впервые.

МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ БУДУЩЕГО

Нужды культуры

Путь, по которому должно идти развитие культуры, мне кажется, ясен. Он в общем соответствует и тому духу, который начинает господствовать в «европейском мышлении» — мышлении прогрессивных слоев европейской интеллигенции, насколько оно определилось, например, на встрече министров культуры европейских стран в начале ноября во французском городе Блуа. Это прежде всего преимущественное обращение к человеческим ценностям. Возвращение к гуманитарным наукам, искусству, моральным богатствам. Подчинение техники интересам гуманитарной культуры. Это — развитие индивидуальных особенностей каждого человека. Свобода раз-

Зал заседаний Советского Фонда культуры

Д. С. Лихачев

вития человека, человеческой личности в том направлении, которое больше всего способствует выявлению талантов, всегда индивидуальных, всегда «неожиданных». Формирование человеческой личности, сопротивление обезличивающей человека «массовой культуре». Отсюда вытекает и другое чрезвычайно важное направление: сохранение национальной индивидуальности во всех сферах культуры. Путь к подлинному интернационализму лежит через признание ценности и самостоятельности всех национальных культур.

Советский Союз, и в нем Россия, были и остаются государственными объединениями, чья культура развивалась через обмен культурным опытом огромного числа народов и наций, вошедших в их состав. Ни одна страна в мире не имеет такого разнообразия и такого взаимопроникновения культур, как наша.

Общая структура культуры

Мы судим о культуре любого народа по ее вершинам, а не по низшим и даже не по средним ее проявлениям. Русскую культуру представляют Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Мусоргский, Чайковский и другие. Именно культура высшего порядка характеризует

страну и народ в первую очередь. Это отлично понимают туристы, изучающие в «стране пребывания» музеи, театральную жизнь, шедевры архитектуры, историю городов.

Что же нужно для существования культуры в ее высших проявлениях? Прежде всего среда представителей высшей культуры. Необходимы встречи, знакомства, обмена мнениями, обсуждение произведений творчества на высоком уровне. А для этого необходимы различные ассоциации, общества творческих представителей, кружки, места встреч и знакомств, свободный обмен творческими замыслами в благожелательной обстановке. Организация культурной жизни — дело не только государственных, но и общественных учреждений. В первую очередь это дело фондов культуры, в которых все люди с творческой инициативой должны чувствовать себя хозяевами, а не посетителями.

Не следует опасаться существования в стране элитарной культуры. Элитарность крайне опасна только тогда, когда она опирается на протекционизм, «заслуги родителей» или на собственное чиновничье положение в обществе, когда элита строго ограждает себя знаниями, степенями, даже просто возрастом или должностями. Но элитарная культура талантов и образованных людей непременно должна существовать в нормальном культурном обществе.

Цели и характер образования

Культура в человеке воспитывается с самых первых лет его жизни. И эти первые годы наиболее ответственные. Ясли, детские сады, средние школы! Если мы можем четко ставить задачей высших учебных заведений передачу знаний и профессиональных навыков, то начальное и среднее образование должно быть прежде всего посвящено воспитанию.

Что воспитывать? Нравственность в широком смысле этого слова: нравственное отношение к другим людям, другим нациям, к труду и т.д.

Воспитательное значение имеют преимущественно гуманитарные дисциплины и искусства. Понимание искусства и развитие в себе хотя бы начатков творческих

способностей в художественной области не только способствуют нравственной стабилизации личности, ее общей интеллигентности, но и развитию интуиции, столь необходимой во всех областях человеческой деятельности. С помощью искусств главным образом и развивается интуиция, за которой не угнаться никакому компьютеру. Вот почему виднейшие математики и физики были музыкантами, интересовались поэзией, любили чтение классических произведений. Отсюда ясно, что при преподавании литературы необходима установка на развитие понимания художественной прозы, поэзии. Умение переизложить в требуемом духе то или иное произведение по программе не воспитывает любви к литературе. Скорее наоборот! Преподавание — это творчество, оно требует от учителя таланта, любви к тому, что он преподает, широких знаний. Преподаватель должен иметь некоторую свободу, останавливаясь дольше всего на том, что он любит сам и считает необходимым для своих учеников. Преподаватель словесности был в XIX и начале XX века властителем дум молодежи и таким он должен снова стать в будущем.

Необходимо также понимать, что ничто так не воспитывает молодежь в нравственном отношении, как музыка и особенно участие в хоре. Хор пробуждает в человеке чувство своей причастности к другим людям, единства с ними.

Надо ввести в школе преподавание логики. Больше всего поражает в нашей общественной жизни отсутствие культуры спора, аргументации и отстаивания своих убеждений. А между тем нам необходимы поколения людей с убеждениями, принципиальные и честные не только перед обществом, но и перед самими собой, обладающие чувством своего достоинства.

Школы должны воспитывать индивидуальность человека. И для этого особенно важно чтение классики, знание литературы, искусства, конкретной истории — с людьми и событиями, героями и преступниками. Школы должны быть разными, с различными уклонами. Могут быть и элитарные, но не по служебному положению родителей, а по выявившимся способностям самих учеников. Без таких школ мы не добьемся хороших специалистов в любых областях. Представляю себе элитарные школы, в которых учащиеся проявляли бы особый интеле-

рес к различным ремеслам, ботанике и т.д. До сих пор мы думали только о школах с математическим уклоном или с преподаванием на иностранных языках.

Кстати, об иностранных языках. Напрасно думают, что школа должна учить преимущественно разговорному языку и готовить учащихся к встречам с иностранцами. Главное — усваивать грамматическую систему языка и обучать читать с помощью словаря. Помимо практического значения и развития возможностей знакомства с чужими культурами, преподавание иностранного языка развивает учащихся умственно, помогает лучше усвоить особенности родного языка. Интеллигентный человек не должен ограничиваться знаниями на родном языке. Он должен быть в курсе всего. И не случайно, когда хотят подчеркнуть чью-либо образованность, упоминают, сколькими языками он владеет.

А в целом свобода выбора различных школ, различных программ, создание школ, имеющих свое лицо, — необходимое условие развития культуры в стране.

О науке

Наука — важнейшая часть культуры. Я не буду рассуждать о всей науке, только о той ее части, которая имеет к культуре непосредственное отношение, — о филологии, искусствоведении и истории. Они находятся в загоне, и авторитет их низко упал из-за их политизации.

Литературоведение в значительной своей части выродилось в журналистику. От него требовали освещения авторов и произведений только под определенным сегодняшним углом зрения. Забыли о существовании таких основных дисциплин, которыми особенно славилась русская филология: текстоведение, источниковедение, стиховедение и т.д. Отдельные дисциплины, обвиненные в смертных грехах, привлекались к суду невежд. В космополитизме обвинили сравнительное литературоведение (и это в стране, где жил и работал такой величайший авторитет в этой области, как Александр Веселовский!). Поэтику и стиховедение обвинили в формализме. Текстологией, источниковедением перестали заниматься. Библиографию локтем спихнули со столов академических издательств.

«Неактуально»? А выдававшиеся за актуальные многотомные труды никто не читал. Их ставили на полки и лишь изредка обращались к ним за справками...

В науке, как мне кажется, следует стремиться к тем же общим целям, что и в народном образовании. В фундаментальных науках должны культивироваться различные направления и образовываться научные школы. Для этого нынешние научные сообщества часто слишком велики, слишком перегружены малоспособными сотрудниками (именно «со-трудниками», мешающими труду способных работников). Ученые нередко заняты выполнением научных планов «по валу». Я имею в виду в первую очередь гуманитарные институты, где сотрудники отчитываются не научными открытиями, а печатными листами по определенным темам, перегружая издательства многословными работами.

Формальные характеристики (по типу выдаваемых местками) подменяют репутацию научного работника при выборах в академию. Само понятие «репутация» перестало у нас существовать, хотя без репутации ученого трудно представить себе создание различных научных школ и направлений. Мы слишком долго полагали, что в науке необходимо добиваться «единомыслия», единых взглядов на решение проблемы и стремились непременно увидеть в инакомыслящих ученых не то «врагов», не то лжеученых.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть: в науке необходимо всяческое разукрупнение и забота о получении «неожиданных», а не запланированных результатов.

О нашем наследии

На заседании Комитета Верховного Совета СССР по науке, народному образованию, культуре и воспитанию Д. А. Гранин предложил создать список хотя бы из 50 памятников культуры, которые надо спасти немедленно. И действительно, темпы разрушений таковы (особенно в районе армяно-азербайджанского конфликта и в местах других национальных противостояний), что через несколько десятилетий мы истребим свою культуру. И наши потомки будут изучать фундаменты, как мы изу-

чаем сейчас фундаменты домонгольских церквей в Киеве, Смоленске... Хорошо бы подсчитать темпы гибели памятников по десятилетиям. Они ускоряются сейчас ничуть не меньше, чем темпы гибели лесов и загрязнения воды.

Хотя бы пятьдесят памятников, хотя бы... Но чтобы они были быстро, а главное, добротнo законсервированы или отреставрированы.

Составление такого списка на 1990 год — дело неотложное.

Было бы неправильным прилагать к культуре излюбленную формулу, с которой начинаются официальные документы и обращения: «В целях дальнейшего развития...» На первых порах нужно думать не о «дальнейшем» развитии, а о спасении, сохранении и восстановлении. Поэтому на первые годы наших культурных программ следует максимально повысить статью расходов по массовой консервации памятников культуры: ставить крыши, предохранять от разрушения. Консервация обходится гораздо дешевле, чем реставрация, требующая исследовательской работы, поисков в архивах, составления сложной документации. К тому же у нас нет и достаточного количества реставраторов.

Откуда же брать средства на сохранение и восстановление памятников культуры? Можно предложить разные способы. Один из самых действенных — шефство крупных предприятий и учреждений над тем или иным памятником. Другой — создание обществ друзей какого-либо определенного парка, сада, дворцового ансамбля, обществ благоустройства исторического селения, древнего места. Участники таких обществ, как и предприятия, взявшие шефство над памятниками, могли бы иметь некоторые преимущества с устройством поблизости квартир, дач, домов отдыха.

Нравственность и культура

Уровень нравственности в обществе теснейшим образом связан с уровнем культуры, а он продолжает падать. Но что сделать, чтобы возможно быстрее поднять уровень нравственности? Чтобы воздействие культуры на общест-

во осуществлялось уже на самом раннем этапе ее подъема? Чтобы сам подъем нравственности в обществе был знаменем подъема культуры и наоборот?

Было бы совершенно нереально надеяться на то, что одни только государственные ведомства смогут осилить эту задачу. Сегодня необходима, как воздух, общественная инициатива. Советский фонд культуры готов содействовать разного рода начинаниям. Но этого мало. Нужно пробудить широкую инициативу по созданию различных обществ, ассоциаций, клубов. Для примера приведу возможные типы ассоциаций: «Общество друзей Павловского парка» (кстати, такое общество уже есть в США, но его нет в Ленинграде), краеведческие общества, кружки по восстановлению трудовых традиций крестьянства той или иной местности, по изучению трудовых традиций рабочего класса, кружки под названием «посиделки» для совместных занятий во вне рабочее время (вязание, шитье, кружевоплетение), хоровые организации.

И я думаю, что следует образовать добровольные общества без жесткой организационной структуры, когда люди (особенно подростки) брали бы на себя обязательства прежде всего перед самими собой жить «по правде», соблюдать «честь и достоинство», не проводить «ни дня без доброго дела» (здесь хороши были бы самоотчеты, ведение дневников добрых дел, внимание к добру). Я уверен, что такие ассоциации имели бы определенный успех, — добро заразительно. **Молодежь, почувствовавшая счастье добра, правды, чести, достоинства, сохранила бы это отношение к жизни на все годы.**

Я бы также особенно настаивал на организации различных полезных коллективных занятий для людей пенсионного возраста и просто престарелых. Найти себя в каком-либо полезном для общества занятии — это сделало бы счастливыми тысячи стариков и, смею утверждать, продлило бы им жизнь.

Архивы, музеи, библиотеки

Необходимо объединить руководство всеми архивами (хотя бы в пределах РСФСР). Выработать положение об архивах, соответствующее нынешней эпохе гласности.

Такое положение как будто бы вырабатывается, но будет ли в него включен главный пункт любого из европейских архивных учреждений: точное установление срока давности, после которого все без исключения архивные дела рассекречиваются? Пусть это будет 30—40, даже 50 лет. Иначе появляется повод для произвола архивного «начальства». Архивные дела выдаются одним ученым и не выдаются другим. При такой практике не проверить, когда это необходимо, правильность использования архивного документа.

Вообще следует ввести какие-то правила на уровне законодательных, в силу которых дирекции архивов, музеев и библиотек должны были бы отчитываться перед Верховным Советом за сохранность вверенных народом ценностей. Не могли бы продавать, обменивать, передавать в другие учреждения, отправлять на длительный срок за границу наши национальные ценности. Допустимо ли, что сейчас большинство музеев, архивов и библиотек, а также учреждения, в ведении которых находятся эти хранилища (министерства, академии наук республик или Союза), считают возможным выдавать или не выдавать, посылать за рубеж «в массовом порядке» выставки, тем самым надолго лишая наших граждан возможности удовлетворять свои культурные запросы?

Допустимо ли, чтобы единственный по своим богатствам Всесоюзный музей Пушкина лежал в Ленинграде, в ящиках, многие годы лишенный возможности воспитывать, учить, да и просто познавать нашего величайшего поэта?

Увы, я мог бы привести множество примеров, когда целые разряды произведений культуры остаются недоступными для исследователей и народа.

Культура и религия

Не представляет сомнений, что религия — явление культуры, что многотысячелетняя история человечества в основном развивалась в рамках различных религий. Это касается и морали, и обычаев, и обрядов, а также музыки, архитектуры, изобразительных и прикладных искусств. Поэтому изучение религий как культурных явлений со-

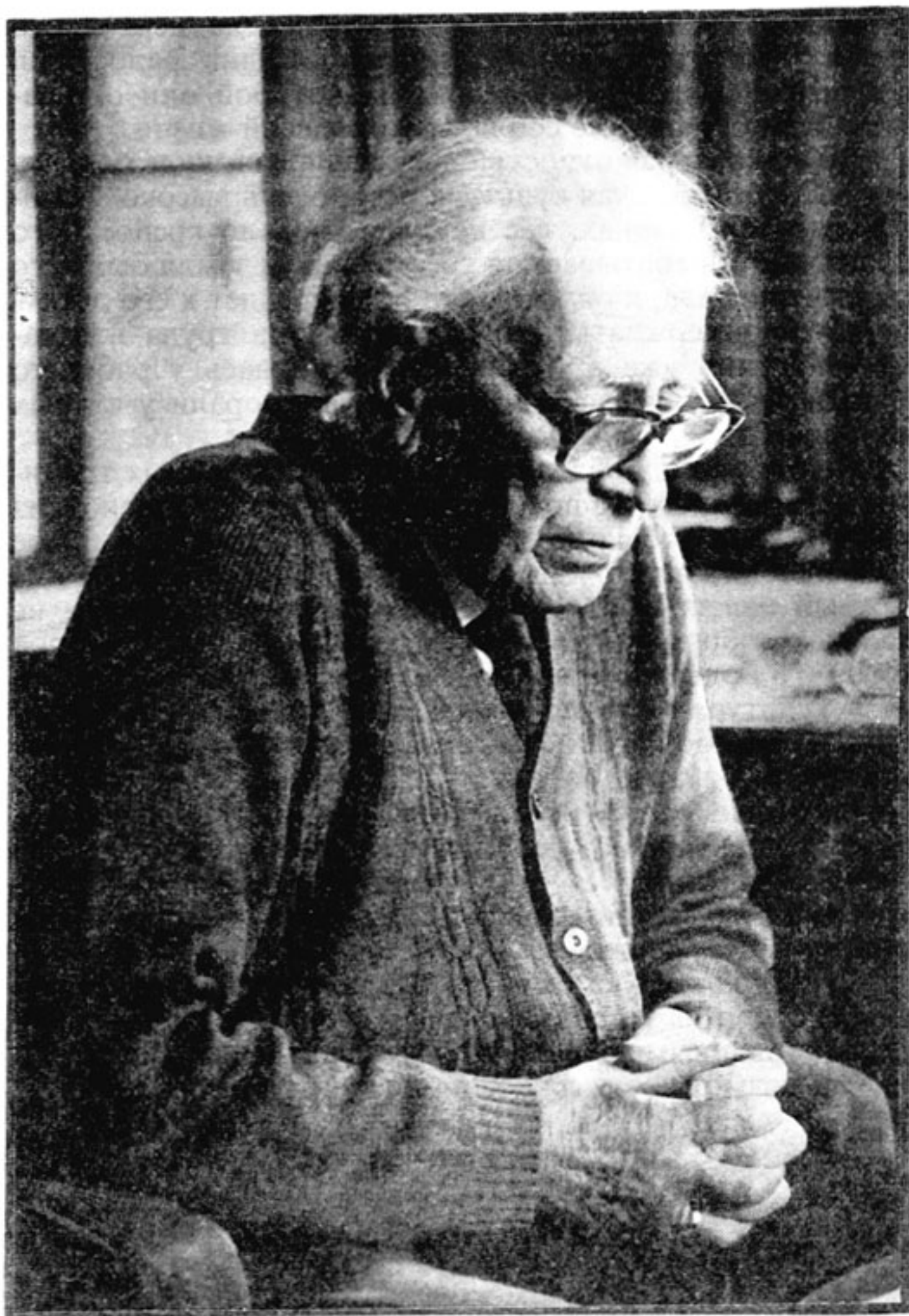
ставляет необходимую часть образованности каждого человека. Вспомните, что без знания основных событий Ветхого и Нового завета, житий святых, как и без знания исторических событий и исторических лиц, невозможно посещение любого из музеев изобразительных искусств. Знание религий, а особенно религии своего народа, необходимо для самопознания народа и не обязательно связано с верой. Поэтому учащимся следует давать представление о «мифологии» различных религий хотя бы на уроках истории. Что же касается преподавания вероучений, религиозной проповеди, то они должны вестись в церковных помещениях. Это необходимо еще и в тех случаях, когда проповедничество, милосердие, воспитание нравственности на основе веры входит в основные требования религии (как, например, в христианстве). Верующим различных религий следует предоставить широкие возможности заниматься добрыми делами, организовывать приюты для неразвитых детей, престарелых или безнадежно больных людей.

Преподавателям необходимо воспитывать уважение и терпимость к верованиям и убеждениям человека, разумеется и атеистическим. Эмоциональное (прежде всего связанное с отрицательными эмоциями) отношение к верованиям и убеждениям может обернуться неприятными последствиями, вплоть до национальной вражды.

Очаги культуры

Выше я высказал различные предположения о том, как, по-моему мнению, должна развиваться культура. Какой идеей эти все предположения могут быть объединены? Думаю, что это идея «очагов культуры». Не просто децентрализация культуры, а заботливое отношение к малейшим ее проявлениям. Культура произрастает в незначительном, горит пламенем, а если перестает гореть, от нее остаются пепелища: места, где когда-то жили люди. Огонь культуры — это не пожары, а скорее отдельные очаги и огоньки, освещающие жизнь.

Без культуры не может продолжаться жизнь. Была великая культура русского крестьянства: свои трудовые навыки, свое знание природы и земледелия, свое изобразительное искусство, украшавшее быт, свой словесный

Д. С. Лихачев. Май 1990 г.

фольклор, своя музыка — от частушек до церковного пения. Все это делало деревенскую жизнь радостной, притягивало крестьян к земле, на которой они оставались, несмотря на все соблазны городской жизни.

Не одной грамотностью определялась культура человека. Крестьянская культура была очень высокой. Особенно в тех районах, где не существовало крепостного права, где обрабатываемая крестьянином земля была его собственностью, и он знал, что она перейдет к его детям.

Смею утверждать, что своя культура труда и взаимоотношений уже в XIX веке зарождалась у рабочего класса. Я застал еще навыки рабочей морали у старых наборщиков.

И хотя новое должно основываться на добрых традициях старого, все же новое нужно творить в основном из нового же, из новых отношений в обществе. Это новое должно быть разнообразным и многообразным, чтобы каждый нашел в нем свое, чтобы человек вырос не только свободным, но и на основе свободного выбора того, что больше всего соответствует его натуре. Свобода в культуре — это не произвол, а возможность найти свое в многообразии существующей культуры. Без ее многообразия, без высоких и разнообразных средних школ, отдельных ученых в науке, без многообразия театральной жизни, без свободного университетского распорядка занятий, без различных направлений в искусстве и философской мысли — без всего этого развитие культуры невозможно.

Культура должна быть не просто обращена к человеку. Она должна быть обращена к людям с различными, непредугаданными способностями и талантами, предоставив им возможности для свободного развития.

Известия. 1989. 15/х1.